

Д. Н. АЛЬШИЦ

Публицистические выступления Сильвестра в эпоху реформ «Избранной рады»

Проектируя и проводя важнейшие реформы по устройению русского централизованного государства, идя в этом направлении по пути новому и неизведанному, представители правящей власти конца 40—50-х гг. XVI в. неустанно выступали с разъяснениями своей деятельности, старались ее обосновать и даже увековечить. Все они — Макарий, Иван IV, Адашев, Сильвестр — не раз брались за перо публициста. Произведения, создававшиеся ими в обстановке острой политической борьбы, ярко отражают кипевшие вокруг политические страсти.

Для многих из этих произведений, особенно для тех, которые были написаны в начальную пору деятельности правительства, характерен поиск, нащупывание путей развития новорожденного централизованного государства. И поскольку речь в них идет о создании нового для Руси государственного уклада, публицисты черпают свою аргументацию то из опыта всемирной истории, то из высказываний церковных авторитетов да и светских «мудрых философов» (например из Демокрита), то создают утопические картины идеального государственного устройства, якобы существующего в тех или иных странах. . . Ветер перемен освежал застойную атмосферу удельной Руси и расчищал перед мысленным взором современников не виданные до тех пор дали. К числу выдающихся публицистов, вдохновленных самим этим временем, следует отнести и Сильвестра.

Отношение к Сильвестру в историографии, быть может, наиболее ярко показывает, какое сильное влияние имели на историков те оценки и характеристики, которые раздавал своим современникам Иван Грозный.

Многие исследователи повторяют прозвище, данное Сильвестру царем, — «поп-невежа». По мнению Р. Г. Скрынникова, прозвище это «было довольно удачным: в личности Сильвестра крайний фанатизм сочетается, как это часто бывает, с умственной ограниченностью».¹

Следует заметить, что Грозный произнес свою хулу уже после смерти Сильвестра. При его жизни царь не решился вступить в спор с «попом-невежей» на «очевистном суде» и предпочел, как известно, судить его заочно. Именно продолжением этого заочного суда и являются те характеристики, которые даны Сильвестру в позднейших сочинениях царя.

Р. Г. Скрынников напоминает, что во времена «всевластия» Сильвестра имел место случай использования «фанатизма черни». Сторонники Сильвестра натравили толпу на коломенского епископа Феодосия.² Об этом случае сообщает опять-таки Иван Грозный.³

Если верить царю в том, что именно Сильвестр натравил толпу на ко-

¹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Л., 1966. Т. 294. С. 117.

² Там же. С. 118.

³ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.: Л., 1951. С. 52.

ломенского епископа, надо считать достоверным и то, что Грозный говорит о мотивах поступка Сильвестра. Царь недвусмысленно объясняет причину вражды между Сильвестром и Феодосием. Последний был «нам советен», — пишет Грозный, т. е. был приближен к царю, пользовался его доверием. Вот что, согласно рассказу царя, раздражало Сильвестра и Адашева. Говорить об их, в частности Сильвестра, фанатизме, даже если они использовали фанатизм толпы в своих целях, здесь оснований нет.

В качестве примера фанатизма Сильвестра Р. Г. Скрынников приводит и тот факт, что юродивого Василия Блаженного хоронили в 1556 г. в присутствии официальных лиц, при громадном стечении народа.⁴ Следует ли, однако, делать Сильвестра ответственным за почитание юродивых в Московском государстве середины XVI в.? Юродивых почитали и до и после Сильвестра.

Царь Иван самолично нес гроб юродивого, когда тот умер. Погребение Василия совершал митрополит Макарий. В 1588 г., т. е. уже после смерти не только Сильвестра, но и Грозного, имя Василия Блаженного укрепилось за Покровским собором столицы, сооруженным в честь Казанской победы во второй половине 50-х гг. XVI в. Это было связано с тем, что к северо-восточной стороне собора, над могилой юродивого, была в 1588 г. пристроена небольшая церковь.

Особой высоты культ Василия Блаженного достиг в XVII в. Нет ничего удивительного в том, что смерть юродивого была отмечена в разрядных записях. Но именно к ним Сильвестр не имел решительного никакого отношения.

Впрочем, говоря о невежестве, умственной ограниченности и крайнем фанатизме Сильвестра,⁵ Р. Г. Скрынников утверждает в то же время, что Сильвестр относился к наиболее просвещенной и влиятельной части русского духовенства.⁶

Другое дело — арсенал педагогических средств Сильвестра, с помощью которых он сумел решительно повернуть юного царя от «отчаянных безобразий»⁷ в поведении к «благочестию». Этот арсенал безусловно состоял из набора всевозможных запугиваний юного грешника ужасными божественными карами. Курбский писал, что такого рода запугивание было нормой тогдашнего воспитания. Он вспоминает, что Сильвестр различные «чюдеса и аки бы явление от бога поведающе ему (царю. — Д. А.), не вем, аще истинные, обо так ужасновение пуцающе буйства его ради, и для детских неистовых его правов. . . яко многажды и отцы повелевают слугам детей ужасати мечтательными страхи. . .»⁸

Грозный также подчеркивает, что Сильвестр старался воздействовать на него «детскими страшилы».

Сильвестр, судя по всему, был сильным оратором и умел глубоко потрясти своего слушателя — юного Ивана Васильевича. Сам царь исключительно красочно написал о том, в каких ежовых рукавицах держал его до поры до времени суровый наставник. При этом царь подчеркивает, что покорялся Сильвестру «безо всякого рассуждения».⁹

И. И. Смирнов описывает Сильвестра как историческую фигуру, обладавшую исключительным влиянием на государственные дела своего

⁴ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 118.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ См.: Там же. С. 107—118. — А. А. Зимин считает, что образованность Сильвестра носила по преимуществу богословский характер (см.: Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 58). Этот вывод исследователь основывает на том, что книги, которые Сильвестр давал в качестве вкладов в монастыри, были богослужебного и богословского содержания — основание для вывода о характере образования вкладчика недостаточное. Книги иного содержания монастырям обычно не дарили.

⁷ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 117.

⁸ Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913, стб. 169.

⁹ Послания Ивана Грозного. С. 37.

времени. Такому впечатлению не могут помешать те оговорки, которыми исследователь — в духе своей концепции Избранной рады — старается принизить значение Сильвестра.¹⁰

Всесторонняя характеристика политической и литературной деятельности Сильвестра дана в книге А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (с. 41—70). Однако в некоторых оценках исследователь отдает дань традиционной схеме, рассматривающей все явления жизни в Московском государстве эпохи Грозного в связи с борьбой боярско-княжеских кругов против централизованного государства. По этой схеме, как известно, Сильвестр на определенном этапе (в 1553 г.) якобы изменил делу создания централизованного государства, начав заигрывать с некоторыми боярскими группировками, а потом и вовсе продавшись им.¹¹ Такой взгляд противоречит историческим фактам. Надо, однако, сказать, что подобного рода суждения о Сильвестре носят у А. А. Зимина, если так можно выразиться, внешний характер, поскольку не вытекают из того материала, который излагает исследователь.

До нас дошла исключительно интересная рукопись XVI в. — сборник сочинений нескольких духовных писателей, принадлежавший Сильвестру.¹² В конце сборника помещены два послания Сильвестра. Они, несомненно, написаны им. Речь идет о его письмах 1553 и 1554 гг. Первое адресовано казанскому наместнику, князю А. Б. Горбатову-Шуйскому. Второе — не поименованному в тексте опальному вельможе. Р. Г. Скрынников убедительно доказал, что этим опальным князем являлся князь Семен Ростовский.¹³

Относительно автора произведения, помещенного в сборнике перед названными письмами, — послания «Царю Ивану Васильевичу» — в литературе единого мнения нет. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что его автором также является Сильвестр.¹⁴ И. И. Смирнов полагает, что автором послания царю был митрополит Макарий.¹⁵

Попробуем в решении вопроса об авторстве послания «Царю Ивану Васильевичу» опереться на предметные основания.

Н. Коншин — издатель Домостроя — сделал любопытное палеографическое наблюдение, оставшееся, по-видимому, неизвестным И. И. Смирнову. Помещенные в рукописи («Сборник Селивестровский») произведения — поучения митрополита Фотия и послания старшего современника Сильвестра митрополита Даниила — имеют киноварные заглавия и перенумерованы.¹⁶ Последняя киноварная цифра этой нумерации стоит перед последним посланием Даниила. «На оставшихся белых листах <Сильвестр> вписывал для себя собственное свое, не удастая расцвечивать то краскою, не делая никаких заглавий и не ставя при начале очередной цифры».¹⁷

К этому наблюдению можно добавить еще одно. Последняя киноварная заглавная буква поставлена в рукописи за пятнадцать строк до на-

¹⁰ См.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 231—257, 242—244, 245—247, 249—250.

¹¹ См.: Зимин А. А. И. С. Пересветов. . . С. 47—50.

¹² ГИБ, Софийское собр., № 1281.

¹³ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 107—108.

¹⁴ См.: Коншин Н. Комментарии // Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания // ЧОИДР. 1874. Кн. 1, отд. 1. С. 67; Соболевский А. И. Поп Сильвестр и Домострой // Изв. ОРЯС АН СССР. 1929. Т. 2, вып. 1. С. 196; Жданов И. Н. Соч. СПб., 1904. Т. 1. С. 199—202.

¹⁵ Смирнов И. И. Очерки. . . С. 233—239. — Этой же точки зрения придерживались и некоторые другие исследователи, в частности Макарий (Булгаков). См.: Краткий обзор мнений по вопросу об авторстве «Послания царю» // Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 198—199, примеч. 1.

¹⁶ ГИБ, Софийское собр., № 1281, л. 355 об.—406.

¹⁷ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 67—68 (ср. л. 294 рукописи).

чала послания «Царю Ивану Васильевичу». И начинается эта буква служебное слово — «Паки».¹⁸ В послании, начинающемся на обороте того же листа обращением «Царю», заглавная буква «Ц» написана теми же обычными чернилами, что и весь текст. Далее, ни в этом послании, ни в двух других сочинениях, бесспорно принадлежащих Сильвестру, киновари нет.

Если бы послание к царю принадлежало митрополиту Макарию, оно, надо полагать, было бы оформлено так же, как послания двух других митрополитов. Поскольку же оно палеографически приравнено к сочинениям владельца сборника Сильвестра, помещенным вслед за ним, — следует заключить, что это послание также принадлежит ему.

И, наконец, в качестве важнейшего аргумента в пользу авторства Сильвестра можно привести текстологические наблюдения.

И в послании царю, и в посланиях Сильвестра князьям — Горбатову-Шуйскому и Ростовскому — есть много мест, сходных текстуально. Более того, и автор писем князьям, и автор послания царю опираются на один и тот же источник XV в.

В 1480 г. на Русь надвинулись полчища хана Ахмата, вознамерившего повторить Батыев поход. Иван III под влиянием «дурных советников» готов был уклониться от битвы с татарами и бежать из Москвы. Эти намерения великого князя вызвали решительный отпор патриотических сил, в первую очередь простого московского люда. Толпа посадских людей, стаскивающих «в град, в осаду» свои пожитки, увидев Ивана III, покинувшего войско на Угре и явившегося в Москву, пристушила к нему с требованием защитить их от нашествия татар.¹⁹ С этим же требованием к прибывшему в Кремль князю обратились митрополит Геронтий и духовный отец великого князя владыка ростовский Вассиан.²⁰ Последний «нача зле глаголати князю великому, бегуном его называя. . . и много сие глаголаше ему, а гражане роптаху на великого князя. Того ради князь велики не обитав во граде на своем дворе, бояся гражан мысли злыя понимания, того ради обита в Красном селце».²¹

Описанная здесь обстановка во многом «роднит» обстоятельства того времени с событиями 1547 г.

И тут, и там дурные советники. И тут, и там взволновались посадские люди. И тут, и там убоявшийся своих подданных великий князь бежит из Москвы в подмосковное село. И тут, и там к великому князю с посланием обращается представитель церкви. Духовник Ивана III — епископ ростовский Вассиан не ограничился резким устным выступлением в Кремле и направил ставшее знаменитым «Послание владычне на Угру к великому князю».

Именно это резкое и смелое послание духовного отца Вассиана своему духовному сыну, великому князю Ивану III, взял за образец и держал перед собой автор послания «Царю Ивану Васильевичу». При этом и композиционное сходство с посланием Вассиана Ивану III, и прямые цитаты из него одинаково свойственны и посланию «Царю Ивану Васильевичу», и бесспорным произведениям Сильвестра.²² Этот факт вместе с другими приведенными выше наблюдениями палеографического характера с достаточной убедительностью свидетельствует, что автором послания «Царю Ивану Васильевичу» является Сильвестр.

В первую очередь убедимся в том, сколь очевидно родство послания Сильвестра с посланием Вассиана.

Оба послания начинаются славословием в честь адресата. Вассиан обращается к «благоверному и христолюбивому. . . богом венчанному

¹⁸ ГПБ, Софийское собр., № 1281, л. 355.

¹⁹ СЛЛ // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 6. С. 230—231.

²⁰ См.: Там же. С. 230—231.

²¹ Там же. С. 231.

²² См.: ПСРЛ. Т. 6. С. 225—230; Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский переи Сильвестр. . . С. 69—87.

и богом утвержденному. . . государю великому князю Ивану Васильевичу».²³

Сильвестр вторит ему: «Богом возвышенный царю, Государь Князь Великий Иван Васильевич всеа Руси!»²⁴

Далее в тексте много дословно сходных оборотов. Сильвестр не раз выписывает из послания Вассиана некоторые рассуждения и цитаты из Священного писания.

Послание Вассиана:²⁵

«Напрязи, и стой, и царствуй истинны ради и кротости правды. . .» (с. 229).

«Бог. . . даст ти победу на твои враги и покорит под нозе твои всех супротивных твоих» (с. 225).

«. . . по Евангельскому Господню словеси великому: ты еси пастырь добрый, пастырь добрый душу свою полагает за овца; а наемник, иже несть пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, оставляет овца и бегаёт, и волк расхитит и распудит их, а наемник бежит, ако наемник есть не радеет о овцах» (с. 225).

Вассиан призывает Ивана III «сотворити суд и правду посреди земли» (с. 228).

Послание Сильвестра:²⁶

«Напрязи, и стой, и царствуй истинны ради и кротости и правды» (с. 69).

«Царь еси. . . на супротивных храбр яко, да покорены будут врази твои под ногами твоими. . .» (с. 69).

«Яко же сам господь рече: Аз еси пастырь добрый, пастырь добрый полагает душу свою за овца, а наемник, иже несть пастырь, ему же не сут своя овца, видит волка грядуща, и оставляет овца, и бегаёт, и волк расхитит и распудит овца; а наемник бежит, яко наемник есть, не радит о овцах» (с. 77).

Сильвестр также рекомендует Ивану IV «творити суд и правду посреди земля» (с. 78).

Однако не этими только оборотами и евангельскими текстами, позаимствованными Сильвестром из послания Вассиана, сходно его произведение с произведением своего предшественника. Главное, что их сближает, — общий подход к назначению власти государя, решительное утверждение мысли о том, что самодержавие не совместимо с произволом. Несоблюдение государем обязанностей, которые накладывает на него положение верховного властителя, чревато для него тяжкими последствиями и в земной и в загробной жизни.

Оба автора исходят из понимания, что власть государя — это инструмент, действия которого определяются тем, в чьих руках этот инструмент находится. Поэтому в обоих посланиях с особой остротой и стоит вопрос о советниках.

В послании царю, так же как в послании Вассиана Ивану III, вернее, с еще большей настойчивостью, звучит требование отвергнуть, отогнать, отсечь дурных советников.²⁷

«Проблема советников, — отмечает И. И. Смирнов, — в то время являлась одной из самых острых политических проблем, непосредственно связанной с проблемой власти, с борьбой за власть».²⁸

Добавим к этому справедливому заключению, что вопрос о советниках оставался главным в борьбе за власть и во все последующие годы царствования первого царя. Он проходит красной нитью в политической публицистике эпохи Грозного. Его с особой остротой ставят и Пересветов, и Грозный, и Курбский. Однако первым в публицистике эпохи Грозного этот вопрос поставил Сильвестр. Послание Вассиана Ивану III послужило ему образцом как по существу постановки вопроса, так и по форме.

²³ ПСРЛ. Т. 6. С. 225.

²⁴ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

²⁵ ПСРЛ. Т. 6. С. 225—230.

²⁶ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69—87.

²⁷ См.: Там же. С. 30, 72, 78.

²⁸ Смирнов И. И. Очерки. . . С. 236.

«Помысли убо, о великомудрый государю! От каковые славы в каково бесчестие сводят твое величество»,²⁹ — риторически восклицал Вассиан.

Сильвестр следует именно этой конструкции, во много раз усиливая ее. Риторический вопрос — «. . . и тебе, Государю Великому, которая похвала в таких чужих неразумных советах. . .» — повторяется в послании в общей сложности восемь раз.³⁰

Обратим внимание на прием, заимствованный у Вассиана. Сильвестр нигде не говорит о личном участии царя в тех или иных порочных деяниях его вельмож, но страшные наказания, и земные и небесные, ожидают именно его. Этот прием — запугивание царя — в контексте обвинения иных лиц применен и в посланиях Сильвестра.

В письме опальному вельможе князю Семену Ростовскому Сильвестр рассказывает, как «Навуходоносор царь в скота претворен бысть и на поле со зверьми питаешся семь лет, душою и умом возопи к Богу. . .» И бог его помиловал — снова сделал царем.³¹

А царь «Манасея в вола медна всажен бысть гневом Божьим. . . молитвою Бога утоли и помилован бысть».³²

В послании «Царю Ивану Васильевичу» Сильвестр обрушивает на царя множество всевозможных «страшил». Он напоминает ему и о «Вселенском потопе и Содомском горении», и о «Иерусалимском нестроении», и о многом другом.³³

«Не об нем ли (о послании. — Д. А.) говорит ожесточенный царь в ответе князю Курбскому: „Ниже мните мя детскими страшилы устрашати, яко прежде сего с попом Сильвестром, и со Алексеем, лукавым советом прельстите“», — спрашивает Н. Коншин.³⁴

«Страшилы», с помощью которых Сильвестр в своем послании вразумлял царя, не сводятся к карам небесным. Может пострадать его государство — сама власть царя, его престиж в иностранных державах и уважение собственных подданных: «. . . и великому твоему государскому уделу не крепку быти, и тайным твоим речем в поношение быти, и во иных землях обнажатца; понеже ныне стойши со многими, изымався за руку».³⁵

Решающий аргумент Сильвестра, доказывающий неотвратимость божьего наказания, состоит в том, что бог уже наказал русское государство «грех ради наших», уже навел на него страшные казни.³⁶

Слова, прямо говорящие о недавних событиях (о народном восстании 1547 г.), не случайно помещены в конце послания.³⁷

Повторяя текст Вассиана, Сильвестр призывает царя «творити суд и правду посреди земля»,³⁸ поясняет, что его престол «правдою и кротостью и судом истинным совершен (т. е. славен. — Д. А.) есть. Сего смиряеши, а сего возносиши». Царь должен по завету бога «судити людем . . . в правду и нищим . . . в суд».³⁹

Послание Вассиана написано в духе тех самых взаимоотношений высшей церковной иерархии с великокняжеской властью, которые автору послания к царю и стоявшему за ним Макарию хотелось установить с властью царской.

Следуя враждебным по отношению к великокняжеской власти Ростов-

²⁹ ПСРЛ. Т. 6. С. 226.

³⁰ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 78—81, 84.

³¹ Там же. С. 101.

³² Там же.

³³ См.: Там же. С. 80.

³⁴ Там же. С. 67.

³⁵ Там же. С. 79.

³⁶ Там же. С. 87.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 78.

³⁹ Там же. С. 83.

скому владычному своду 80-х гг. XV в. и своду 1518 г.,⁴⁰ Сильвестр высказывался против того, чтобы царская власть походила по своему характеру на прежнюю великокняжескую с ее произволом, жестокостью, а главное — с ее противостоянием власти церковных иерархов. Царь, утверждает он, должен быть иным — справедливым, слушаться священников. . .

Мысль о том, что самодержец обязан во всем подчиняться богу и его установлениям, проходит через все послание царю.⁴¹ Сильвестр будет утверждать ее и в своем послании А. Б. Горбатову-Шуйскому 1553 г.: «Аще убо владатель уставлен еси Богом, но и с р а б е н (разрядка моя. — Д. А.) ему, единого бо Владыку всех точию имеем вси человецы: персть нашего рода един есть праотец».

Догмат о низведении царя богом на уровень обычного смертного в подобных рассуждениях церковных иерархов как бы сам собой переходит в догмат подчинения самодержца представителям бога на земле — священнослужителям.

В одном из сборников собрания Погодина читается небольшое сочинение второй половины XVI в., в котором по существу утверждается та же мысль о равенстве царя перед богом вместе со всеми смертными, о том, что он должен подчиняться своим духовным пастырям. Сочинение это восходит к произведению византийского церковного писателя Агапита «Изложение совещательных глав к царю Иустиниану», жившего в VI в. Произведение Агапита было известно Ивану Грозному, который цитировал его начальные строки, где власть царя на земле уподобляется власти бога, но, по понятным причинам, не желал цитировать то, что следовало дальше.⁴² Обратимся к тексту.

Сказание, повестие, божественных Писаний святых отец.

О царях и великих князех.

Естеством убо телесным царь точен всякому человеку. Властию же сана подобен. . . богу. Не имат бо на земли вышна себе. Подобае убо яко смертну не возноситься и аки богу не гневаться. Аще бо и образом божим почтен, но и персти земной приложен есть. К сему ж не мните. . . царь или князь, что избавит вечная муки. Почти убо церковь, яко да почтен будеши от бога! И священник стыдится яко отца духовнаго. Честь бо священническая на бога выходит. Егда князь беспорочен будет всем правом, то может. . . и мучити и пращати всех людей со всякою кротостью. А ярости и бести и сладости работая, — то первые будет посмешен людям. Занеже аще и злат венец носит, украшен драгим камением, целомудрием же не венчан. Тело бо егда багряницею покрыто, а душа его скверная останея.⁴³

Именно в такой обработке мысли Агапита были изложены в посланиях Сильвестра царю, а затем князьям С. Ростовскому и А. Горбатову-Шуйскому. Создается впечатление, что в погодинском сборнике читается выборка из этих сочинений Сильвестра.

Идея подчинения самодержавия церкви, как известно, не прекращала своего существования и в более поздние времена, несмотря на то что царь Иван Грозный не поддался воспитанию в ее духе и повел против притязаний церкви на мирскую власть беспощадную борьбу и словом и делом.

В самый разгар опричнины, т. е. во время яростного утверждения царем своего единовластия, с позиций названной идеи посмел выступить митрополит Филипп. Царь с помощью опричнины — руками Малюты

⁴⁰ См.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 237—240.

⁴¹ Г о л о х в а с т о в Д. П. и Л е о н и д. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 93.

⁴² См.: П о к р о в с к и й Н. Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1984. С. 100—101.

⁴³ ГБЛ, Погодинское собр., № 1288. Сборник-конволют XVI—XVII вв. Данный текст — второй половины XVI в.

Скурадова — свирепо расправился с ним. И все же идея подчинения самодержавия церкви надолго пережила своего свирепого врага — первого царя Ивана Грозного. Она возрождалась в различных вариантах в течение всего XVII в., звучала в проповедях Гермогена, Филарета, Никона. Когда официальная церковь с ней рассталась и окончательно перешла на беспрекословную службу к самодержавию, идея эта была подхвачена религиозной оппозицией. Громко и неистово провозглашал ее протопоп Аввакум. В начале XVIII в., как бы признав свое бессилие в борьбе с властью царя-антихриста, идея эта подвергла себя самосожжению на раскольниковых кострах, угли которых тлеи еще долго. Не раз пытались их раздуть во времена многочисленных бунтов и восстаний угнетенного люда против царского произвола. Однако обращение к этому обветшалому, всегда зовущему назад, а не вперед, знамени только затемняло смысл и подлинные цели народных движений. . .

В начале царствования Грозного идея подчинения царского государства церковной иерархии казалась ее сторонникам и прежде всего митрополиту Макарию перспективной. Церковь стремилась к тому, чтобы самодержавие оказалось по отношению к ней в том положении, в каком позднее она сама оказалась по отношению к самодержавию, а именно: полное фактическое подчинение при полном к себе внешнем почтении.

Иван Грозный в письмах Курбскому и в приписках к Лицевому своду сделает только Сильвестра мишенью своих обвинений в «злосесном» умысле подчинить мирскую (царскую) власть власти духовной.⁴⁴ Причина такого выделения Сильвестра вполне очевидна. Царь Иван не хотел противопоставлять себя церкви в целом. Менее всего подходило ему тревожить прах митрополита Макария — чернить руки, непосредственно надевшие на его голову царскую корону. Кроме того, Сильвестр пошел значительно дальше Макария и всех других своих единомышленников в области церковно-политической идеологии.

Сильвестр — что позднее хорошо понял Грозный — олицетворял соединение церковных и светских сил, стремившихся к созданию ограниченной монархии, номинально возглавляемой «предобрим и умилительным всему» «и смирением сердца украшенным. . . боголюбивым царем».⁴⁵

Конструкция изложения, с помощью которой Сильвестр стремится придать предельную убедительность своим государственным рекомендациям, весьма проста в своей основе. Бог поможет царю управлять царством и покорить своих врагов только в том случае, если он, царь, будет соблюдать целый ряд обязательных условий. Первое — он сам должен соответствовать необходимым нормам поведения и управления государством.

Царь должен расстаться с прежними советниками — «богатыми» и «брюхатыми» вельможами, думающими лишь о своей наживе, «истязующими» в свою пользу бесконечные дани с «простых» и «нищих» людей, к тому же развратными, впавшими в «безудие», в «свинское житие».⁴⁶

И, наконец, царь должен ввести в своем царстве «правду» — справедливый суд, равный для всех, для великих и малых, закон. Вот тогда, предрекает Сильвестр царю, он станет «умилителен» и «на супротивный храбр»: «. . . обладаеши от моря до моря и от рек до конець вселенныя. . . и поклонятца тебе вси цари земстие, и вся языцы поработают тебе».⁴⁷

И в самом этом построении, и в содержании рекомендаций и перспектив

⁴⁴ Послания Ивана Грозного. С. 23—27; ПСРМ. Т. 13. С. II, 526.

⁴⁵ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69, 72.

⁴⁶ Эти мотивы отличают позицию Сильвестра от позиции Максима Грека, призванного царя в своих посланиях беречь и награждать в первую очередь именно вельмож и бояр. Ср.: Будовиц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 159—162.

⁴⁷ Голохвастов Д. И. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

при их исполнении, и более того — в самом тексте Сильвестра нельзя не увидеть нечто весьма знакомое. «Только его (царя. — Д. А.) бог соблюдет от того уловления велмож его, ино такового под всею подсолнечною не будет мудрого воина и счастливого к воинству, и введет во царство свое великую правду и утешит бога сердечною радостью, и за то ему господь бог многия царства покорит», — так писал в конце своей Большой челобитной современник Сильвестра Иван Пересветов.⁴⁸

Возникает вопрос: кто из двух авторов-современников оказал влияние на другого? Послание Сильвестра, в котором названная схема проступает исключительно ярко, написано раньше, чем Пересветов подал свою челобитную. Кроме того, источник, которому следовал Сильвестр и из которого он позаимствовал композицию, а также в значительной степени аргументацию для своего обращения к царю, — послание Вассиана Ивану III — намного старше и самого Сильвестра, и автора Большой челобитной.

Таким образом, арсеналом, из которого Пересветов черпал свои «великие мудрости», явились для него отнюдь не одни «философы и дохтуры латынския», мудрецы турецкие и греческие. Мудрость эта имела в первую очередь национальную почву и традицию, сложилась в ходе длительной борьбы различных социальных и политических сил за создание русского централизованного государства.

Послание Сильвестра царю Ивану Васильевичу, отразившее одно из направлений этой борьбы, оказало влияние на сочинения Пересветова, стало как бы одним из слагаемых в той широкой программе реформ, которая нашла в них свое литературное выражение. Так, например, тема «сильных», «богатых» и «брюхатых», прозвучавшая в послании Вассиана Ивану III и энергично подхваченная Сильвестром, стала традиционной в дворянской публицистике. Духовным феодалам пропаганда против «сильных» и «богатых» помогала в их борьбе со светской феодальной верхушкой за власть, за влияние и, в конечном счете, за землю.

В этом пункте сходились интересы церковных верхов и широких масс дворян, также мечтавших улучшить свое материальное положение за счет земельных владений крупных латифундистов, а свое политическое положение — за счет оттеснения их от политической власти. Можно думать, что вначале на этой почве и слились интересы Сильвестра и Адашева — представителей церковно-иерархических кругов, с одной стороны, и дворянской массы — с другой. В дальнейшем их альянс претерпел некоторые изменения — Сильвестр перешел на более широкие, «адашевские», позиции.

Наиболее четко этот переход, или, лучше сказать, это обогащение политической позиции Сильвестра, можно увидеть, обратившись к его посланиям князьям А. Горбатову-Шуйскому и С. Ростовскому в 1553—1554 гг. Письма эти написаны в иной тональности, чем послание царю 1547 г., созданное в смутные дни всеобщего потрясения. Послание гремело, грозило, заклиало, но тем не менее автор как конкретная личность в нем себя не выявлял. Он целиком, если можно так выразиться, укрылся за широкой спиной бога, выступая от имени церкви вообще. . .

Письма вельможам написаны Сильвестром от себя лично. От этих его писем веет прочной уверенностью в своем положении и общей стабильностью, установившейся в правящих верхах на тот момент, ясным представлением о целях, которых следует добиваться, и о средствах, с помощью которых к этим целям надо идти. Сильвестр выступает как ярый поборник завоевания и колонизации Казанского края. Он горячо одобряет обращение неверных в христианскую веру, «аще и не восхотят»: «Песнописец он пророчествуя, изрек о христолюбивом Российском царствии. . . и не сбысть ли ся пророчество песнописца оного?» — торжествующе вопрошает

⁴⁸ Сочинения И. Пересветова / Подгот. текст А. А. Зимин; Под ред. Д. С. Лихачева. М.; Л., 1956. С. 184.

Сильвестр и отвечает: «Ныне державный государь наш, самодержец всеа Росиа, царь и великий князь Иван Васильевич Божией благодатью сподобился царю Константину. . . град Казань розори своим благородием и вашим храбрством. . .»⁴⁹

Содержащееся здесь — в послании 1554 г. — указание на сбывшееся пророчество о покорении Казани царем московским Иваном Васильевичем звучит как прямой отклик на предсказания, изложенные в сочинениях пересветовского цикла, которые также постоянно сравнивают Ивана IV с царем Константином.⁵⁰

Сильвестр призывает представителей военных и других властей до-вольствоваться государевым жалованием, не «истязать» в свою пользу никаких даней и налогов с населения сверх установленных государством.⁵¹ Он требует от начальных людей всякого чина не допускать в своих действиях по отношению к населению произвола. «Истязающе людские дани ничтоже паче повеленного вам творите».⁵²

И эти призывы Сильвестра весьма схожи с той программой, которая развивается в сочинениях пересветовского цикла.

Сильвестр призывает «простых людей» к повиновению властям: «Простим людие повиновение и послушание к начальникам имейте и обретающимся влаstem, поставленным от благоверного нашего царя».⁵³ Злоупотребления в торговле и обмене — такие, как обмер и обвес с помощью неправильных мер, Сильвестр объявляет тягчайшим преступлением.⁵⁴

И эти поучения Сильвестра, подобно уже упомянутому, касаются темы, неоднократно поднимавшейся также и Пересветовым.⁵⁵

Красной нитью проходит в посланиях Сильвестра тема справедливого суда и правды.⁵⁶

Требование «праведного суда» является одним из лейтмотивов публицистических сочинений пересветовского цикла.⁵⁷

В письмах к А. Горбатову-Шуйскому и С. Ростовскому Сильвестр продолжает начатое в послании царю 1547 г. выстраивание образа идеального царя.

В письме к А. Горбатову-Шуйскому находим весьма примечательную цитату из послания Вассиана Ивану III, которое, как мы знаем, было перед глазами автора послания «Царю Ивану Васильевичу». Однако тогда Сильвестр не использовал это место из послания своего предшественника. По всей видимости, в официальном послании духовного лица, выступавшего от имени церкви и обращавшегося непосредственно к царю, такая цитата была неуместна. Здесь же, в личном письме к воеводе, не называя царя в качестве адресата своих поучений, Сильвестр мог писать, а также и цитировать нужные ему тексты значительно свободнее: «Слыши, что глаголет Димокрит, философ первый: князю подобает имети ум ко всем

⁴⁹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 89—90.

⁵⁰ Сочинения И. Пересветова. С. 162. — В другом месте у Пересветова читаем: «Слышав от многих мудрых людей и дохтуров и философ. . . так пишут о тебе, о великом царе, по небесному знамению, о ством царстве и о мудром воинстве: „Беречи веры христианския и умножити, неверных в веру приводити. . .“». (Там же. С. 173).

⁵¹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 98.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 25.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Сочинения И. Пересветова. С. 158, 179.

⁵⁶ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 97.

⁵⁷ Сочинения И. Пересветова. С. 150, 151, 153, 154, 155, 168, 169. — Небезынтересно отметить, что сочетание понятий «суд и правда» в качестве обозначения высшей справедливости устойчиво сохранялось на протяжении веков. Желая охарактеризовать произвол николаевских царедворцев, жертвой которого пал Пушкин, Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта» написал: «Пред вами суд и правда — все молчи!»

временным,⁵⁸ а на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любовь и привет сладок».⁵⁹

Благодаря капитальному труду профессора С. Я. Лурье, издавшего все дошедшие тексты Демокрита, у нас есть возможность отыскать тот фрагмент из его сочинений, который содержится в древнерусском переводе в послании Вассиана, а затем процитирован Сильвестром: «Правитель должен правильно оценивать момент («князю подобает имети ум ко всем временным»), т. е. к обстоятельствам времени, деталям момента. — Д. А.), быть храбрым с врагами и благожелательным к подчиненным».⁶⁰

Сочинения Демокрита в виде различных цитат из них знали на Руси еще во времена Киевского государства. Они вошли в состав сборников типа «Пчела».⁶¹ Интерес к античной философии был характерной чертой культуры Киевской Руси. Знаменательно, что обращение Вассиана к тексту Демокрита совпало с моментом свержения монгольского ига и оказалось тем самым символом возрождения, первой ласточкой возвращения русской культуры в лице ее наиболее просвещенных представителей к прежней широкой приобщенности к мировым культурным ценностям.

В том, что Сильвестр обращается к Демокриту именно как к пропагандисту рационалистических взглядов, воспевавшему человека не как носителя «божьего разума», а как обладателя могучей силы мышления, — сомневаться невозможно. Цитату из Демокрита он предваряет восклицанием: «Великое богатство человеку ум!»⁶²

Интересно и то, что Сильвестр в своем изложении дополнил отрывок из Демокрита, процитированный Вассианом, следующим выводом: «. . . добродетель (а в нее, как мы только что видели, входит и «ум» — т. е. разумное отношение к действительности. — Д. А.) есть лучши всякого сана царского». И далее: «Ничто ж тако пользует человека, яко же самому себе розсужати: аще ли не тако, то далече есть таковой благаго разума».⁶³

Не приходится удивляться тому, что автор этой ограничительной по отношению к самодержавию доктрины заслужил у Ивана Грозного кличку «невежа». Но это произошло позднее.

При всем сходстве многих программных моментов посланий Сильвестра и сочинений Пересветова есть в позициях и взглядах этих авторов и некоторые различия. Они обычно рассматриваются исследователями как различия во взглядах «прогрессивного» Пересветова и «реакционного» Сильвестра.

Если от такого заданного отношения освободиться, то придется признать, что имеющиеся между ними расхождения во взглядах — это, скорее, расхождения между союзниками, расхождения (а может быть, даже полемика) внутри общих рамок.

Автор комментариев к сочинениям И. Пересветова Я. С. Лурье справедливо отметил, что Пересветов — решительный противник всякой «кротости» царской власти: «Не мочно царю без грозы быти. Как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».⁶⁴ Позиция действительно недвусмысленная. Я. С. Лурье противопоставляет ей позицию Максима Грека, который советовал царю считать «дивным советником» не того, кто «через правду на рати и воевания вооружает тя», а того, кто «советует тебе

⁵⁸ Так в тексте. У Вассиана — «временным». Ср. его послание: ПСРЛ. Т. 6. С. 227.

⁵⁹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 93.

⁶⁰ Демокрит: Тексты; Перевод; Исследования. Л., 1970. С. 362, фрагмент 617.

⁶¹ См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исслед. и тексты. М., 1904.

⁶² Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 93.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Лурье Я. С. Комментарии // Сочинения И. Пересветова. С. 283.

мир и примирение любити всегда со всеми окресными соседы». ⁶⁵ При чем здесь, однако, Сильвестр?

Сильвестр всячески побуждает царя на дальнейшую борьбу с казанцами и крымцами. И Сильвестр, и Пересветов одинаково утверждают этим общую политику правительства того времени, направленную на покорение и колонизацию Казани и Крыма. ⁶⁶

Отнюдь не к кротости и миру с соседями призывает Сильвестр, цитируя вслед за Вассианом слова Демокрита о том, что правителю «подобает имети. . . на супостаты крепость и мужество и храбрость, а к своей дружине любов и привет сладок». ⁶⁷ Трудно сказать — подписался бы под этими словами Максим Грек. . . Однако Пересветов подписался бы под ними несомненно.

Осуждение дурных советников, вельмож, советующих («шепчущи») великому князю «не противиться супостатам», со страстной силой прозвучало в послании Сильвестра царю до того, как это литературно разработал Пересветов. Слова «наприязи и стой и царствуя истины ради и кротости и правды» ⁶⁸ не помешали Сильвестру утверждать: «Царь еси . . . на супротивныя храбр яко, да покорены будут врази твои под ногами твоима». ⁶⁹

Что касается «грозы», с помощью которой Пересветов советует царю управлять своим царством, то и у него — у Пересветова — эта «гроза» имеет направленный характер. Она должна обрушиваться на «ленивых» вельмож, не желающих служить и «смертною игрою играти», на всякого рода дурных людей — татей, пьяниц, разбойников. ⁷⁰ Сильвестр тоже ратует за такую «грозу».

Вместе с тем Пересветов, как и Сильвестр, призывает царя и вообще властителей к милостивому и справедливому отношению не только к «воинникам», но и ко всем подданным: «Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая». ⁷¹

Мы видим, что и Сильвестр не без «грозы», и Пересветов не без «милости».

Как бы, однако, ни совпадали взгляды Сильвестра и Пересветова — первый остался для историков «консерватором», а второй — «наиболее передовым и радикальным» ⁷² представителем своего класса.

О Сильвестре, который точно так же, как и Матвей Башкин, был против кабального холопства, точно так же, как и он, «изодрал» кабальные своих холопов и «попущах» их на свободу, ⁷³ Я. С. Лурье пишет: «Неудобство . . . же вполне изжившей себя системы полного холопства — рабства . . . понимал даже такой консервативный человек, как Сильвестр». ⁷⁴ У Я. С. Лурье о столь важном для понимания позиции Сильвестра моменте сказано мимоходом, в скобках, у Р. Г. Скрынникова об этом же говорится в примечании. ⁷⁵

Между тем факт осуждения Сильвестром «рабства» — «кабального холопства» — заслуживает того, чтобы вынести его из скобок и примечаний.

⁶⁵ Там же. С. 305.

⁶⁶ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 90.

⁶⁷ Там же. С. 93.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 6. С. 225—230; Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

⁶⁹ Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 69.

⁷⁰ Именно их, татей и разбойников, называет Пересветов «лихими людьми» (Сочинения И. Пересветова. С. 159). Я. С. Лурье считает, что под «лихими людьми» Пересветов подразумевает крамольников (см.: Лурье Я. С. Комментарии. С. 292).

⁷¹ Сочинения И. Пересветова. С. 168, 169.

⁷² Лурье Я. С. Комментарии. С. 280—290.

⁷³ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 103, примеч. 2.

⁷⁴ Лурье Я. С. Комментарии. С. 289—290.

⁷⁵ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 103, примеч. 2.

Прежде всего система кабального холопства отнюдь не была в момент выступления против нее Сильвестра «вполне изжившей себя системой», а протесты против нее и тем более практическое освобождение собственных холопов отнюдь не были общей нормой. Подобные выступления, как справедливо отмечает на тех же страницах Я. С. Лурье (применительно к Пересветову и Башкину), были большой смелостью.⁷⁶

Смелость выступления Сильвестра против кабального холопства была, на мой взгляд, большей, чем смелость Пересветова. Последний выступал до 1550 г., т. е. до того, как был утвержден Судебник, оставивший, если не считать мелких оговорок, в силе будто бы «вполне себя изжившую» систему полного холопства. Выступление Пересветова носило, таким образом, характер критики лишь стародавних порядков, доставшихся нынешнему царю в наследство, характер предложения изменить этот стародавний порядок в ходе намечаемых реформ.

Сильвестр и Башкин выступали против системы кабального холопства после утверждения нового Судебника. Их выступления, следовательно, носили характер если не протеста, то, по крайней мере, несогласия с порядком, подтвержденным только что при нынешнем царе. Если к тому же учесть, что Сильвестр находился среди «ближних» царя и в фактическом правительстве еще до принятия Судебника, во время его подготовки, следует признать его выступление против кабального холопства выражением недовольства тем, что ему и его единомышленникам не удалось внести в новое законодательство своих взглядов.

И это, и то, что не был воплощен целый ряд предложений Пересветова, свидетельствует об острой борьбе по ряду важнейших социальных вопросов, которая шла между силами, соединившимися в политическом компромиссе в конце 40-х гг. XVI в. Сильвестр, как видно из рассмотренных свидетельств, не принадлежал к числу тех, кто тормозил становление нового и «тянул» назад. Называть его «консерватором» и «реакционером» нет основания. Напротив, есть основания разглядеть в нем политическую фигуру, представлявшую интересы более широкого социального слоя, чем тот, который представлял Пересветов.

Аргументация Пересветова в пользу освобождения холопов предельно ясна: освобожденные из холопства и кабалы «боецы» вернутся в царское войско и будут наилучшим образом нести военную службу.

У Сильвестра преимущественный объект заботы и внимания иной. Холопы, которых сам он освободил, и те, кого выкупил «из рабства» у других владельцев и «на свободу попусках», — это не «боецы», вернувшиеся, став свободными, в царские полки. Это посадские люди.⁷⁷

Своего собственного сына Анфима Сильвестр пристроил не в «храбрые» и «лучшие люди», не на военную службу, а в торговлю, затем испросил для него у царя назначение ведать в казне таможенными сборами.⁷⁸

В письме Анфиму Сильвестр, священнослужитель по профессии, раскрывается и как выходец из определенной социальной среды, усвоивший весь комплекс присущих именно ей взглядов на жизнь. Среда эта — зажиточная верхушка городского посада, притом именно новгородского. Нравственные и деловые советы, которые Сильвестр дает сыну, в громадном объеме дополняются самим содержанием книги, послесловием к которой письмо к сыну и служит. Книга эта — знаменитый «Домострой» — свод бытовой и нравственной мудрости для городского, посадского человека, складывавшийся в течение долгого времени.⁷⁹ Не исключено, что

⁷⁶ См.: Лурье Я. С. Комментарии. С. 290.

⁷⁷ Домострой Сильвестровского извода. 3-е изд., испр. / Изд. И. Глазунов. СПб., 1911. С. 67.

⁷⁸ См.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 113, примеч. 5.

⁷⁹ «„Домострой“ Сильвестра, если не написанный, то во всяком случае скомпонованный и отредактированный в 50-е годы XVI в.» — так говорит о происхождении этого памятника А. А. Зимин (см.: Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки

Сильвестр, когда жил и был священником в Новгороде, принимал участие в записи и редактировании этого свода.⁸⁰

Идейную направленность «Домостроя» очень точно сформулировал В. Б. Кобрин: «Создание светского произведения, освящающего именем бога быт, торговлю, паживу. . .». По мнению исследователя, в «Домострое» нашли отражение идеи бюргерских кругов.⁸¹

Если при оценке практической деятельности и идейных позиций Сильвестра мы будем учитывать и его происхождение из среды новгородского посада, и бесспорную связь его жизненных воззрений с воззрениями этой среды, станет ясным, почему священник Сильвестр, пугавший впечатлительного юношу-царя всевозможными божественными чудесами, являлся вместе с тем поборником рационализма, разумных основ государственного управления. Станет яснее, что могло сблизить Сильвестра с еретиком Матвеем Башкиным, «затронутым», как пишет А. А. Зимин, идеями европейского реформационного движения и объективно представлявшим интересы бюргерских кругов.⁸²

Сильвестр пишет об освобождении своих холопов уже после суда над Башкиным и почти в тех же выражениях, в каких записаны показания о вольнодумных речах и поступках преданного анафеме и осужденного еретика.⁸³

Близость Сильвестра к интересам зажиточной верхушки посада делает понятней и его борьбу со стяжательством церковников, за секуляризацию монастырских земель и сел.⁸⁴ По этому вопросу Сильвестр выступал против своего патрона — митрополита Макария и вместе со своими сторонниками добился немалых успехов.⁸⁵

Популярность нестяжательства в качестве истинно праведного для служителей бога образа жизни возрастала в периоды антифеодальных волнений. Возвышение вслед за Адашевым священника, являющего пример бескорыстного служения православной вере, было также вполне последовательным шагом для создания впечатления о демократизации правления в соответствии с громогласными заверениями царя на Красной площади.

Совокупное рассмотрение свидетельств о Сильвестре позволяет составить общий облик этой политической фигуры.

Сильвестр трижды подвергается нападкам со стороны официальной церковной иерархии и церковных догматиков за поступки, которые были ими расценены как покушение на основы церковного порядка, или как ересь. Речь идет о его выступлениях против стяжательства и за секуляризацию церковных земель, о его связях с еретиком Башкиным и общих с ним воззрениях на вопрос о кабальном холопстве, а также о создании под его руководством новаторской росписи Благовещенского собора в Кремле.

Сильвестр поддерживает царя как олицетворение единого централизованного государственного строя, однако он требует ответственности монарха перед богом и перед людьми.

Сильвестр решительно осуждает прежних советников царя — «вельмож», считая их источником произвола и прямо указывая, что народное восстание — результат их несправедливого, грабительского правления.

социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 362.

⁸⁰ Обзор мнений исследователей о «Домострое» дан А. А. Зиминим в кн.: П. С. Пересветов. . . С. 55—57, 64—70.

⁸¹ К о б р и н В. Б. Федор Иванович Карпов // История философии в СССР, т. I. М., 1968. С. 186.

⁸² З и м и н А. А. И. С. Пересветов. . . С. 169, 182, 451.

⁸³ См.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины. С. 103, примеч. 2.

⁸⁴ См.: Там же. С. 86—88; С м и р н о в И. И. Очерки. . . С. 17.

⁸⁵ См.: С к р ы н н и к о в Р. Г. Начало опричнины. С. 86—88.

Сильвестр — сторонник ограничения самодержавия духовным советом, а также «разумом», устройением государства на основе справедливых законов.

Сильвестр выступает за ограничение личного произвола царя. Он стремится снизить удельный вес и значение родового, наследственного фактора — «сана царского» как такового — в психологии самого царя.⁸⁶

Сильвестр отстаивает программу реформ в интересах дворянства и верхушки городского посада. Его взгляды по этим вопросам во многом совпадают со взглядами современных ему дворянских публицистов.

В вопросах внешнеполитических Сильвестр — сторонник покорения и колонизации Казани и Крыма.

Однако в отличие от Пересветова, выступающего от лица воина-профессионала, для которого война — «смертная игра», источник дохода, смысл и оправдание его существования на высокой ступени социальной лестницы и тем самым как бы самоцель, для Сильвестра война — печальная необходимость. После выполнения военной задачи нужно тотчас устанавливать мир.⁸⁷ В этом вопросе, как и в ряде других, в позиции Сильвестра сказывается его принадлежность по происхождению, воспитанию и образу жизни не к дворянству, а к посадской верхушке.

Целый ряд идей Сильвестра вошел в качестве слагаемого в правительственную программу и проправительственную публицистику конца 40-х и 50-х гг. XVI в. При этом многие из тех идей, которые он высказал, были отнюдь не только его идеями. Одни из них разделялись Макарием или даже принадлежали ему. Другие разделялись Адашевым или принадлежали ему. Третьи разделялись в то время царем или принадлежали ему. Словом, сочинения и деятельность Сильвестра кроме его собственных взглядов в значительной степени отразили программную сущность и практическую деятельность правительства политического компромисса.

⁸⁶ В этом плане становится понятной взаимная неприязнь между Сильвестром и царской родней — Захарьиными. Последние в силу своего положения оставались рудиментом правления боярских группировок. Захарьины фактически стремились занять то место, которое до событий 1547 г. занимала группа других родственников царя — Глинских. Для деятелей Избранной рады такая перспектива означала возврат к прошлому, несла им удаление от власти и гибель. Позднее, в начале 60-х гг., именно это и произошло.

⁸⁷ См.: Голохвастов Д. П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр. . . С. 100—102, 105—106.